

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.139-147

А. В. Корнев*

В. С. Соловьев и Л. Н. Толстой: два взгляда на право и нравственность

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения права и нравственности как наиболее важных социальных регуляторов в интерпретации двух выдающихся мыслителей дореволюционной России — религиозного философа В. С. Соловьева и писателя Л. Н. Толстого. В каком-то смысле оба являлись «властителями дум», имели огромную армию почитателей, как, впрочем, и критиков. Интерес вызывает то обстоятельство, что Л. Н. Толстой учился на юридическом факультете Казанского императорского университета, но не окончил его. Именно в студенческие годы у него сформировался крайне негативный взгляд на право и юридические профессии. В этой связи Толстого можно смело причислить к представителям так называемого теоретического правового нигилизма, сторонники которого стремились обосновать отрицание ценности права концептуальной аргументацией — так, как они ее понимали. В. С. Соловьев, напротив, к праву относился скорее положительно, чем отрицательно. Правда, он квалифицировал право как «минимум нравственности», а государство считал «организованной жалостью». Тем не менее в профессиональной академической среде В. С. Соловьев пользовался репутацией человека, глубоко разбирающегося в праве и понимающего его роль в государственно-организованном обществе.

В статье отмечается некоторое сходство теоретических взглядов В. С. Соловьева и Л. Н. Толстого. Право и нравственность в их мировоззренческих конструкциях занимают важное место. Представляется, что их идеи в какой-то степени не утратили своего значения и сегодня.

Ключевые слова: государство; право; нравственность; свобода; религия; церковь; история; культура.

Для цитирования: Корнев А. В. В. С. Соловьев и Л. Н. Толстой: два взгляда на право и нравственность // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 139–147. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.139-147.

V. S. Solovyov and L. N. Tolstoy: Two Opinions on Law and Morality

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
avkornev@msal.ru

Abstract. The paper deals with the problem of the correlation of law and morality as the most important social regulators in the interpretation of two outstanding thinkers of pre-revolutionary Russia, namely the religious philosopher V. S. Solovyov and the writer L. N. Tolstoy. In a sense, both were “iconic thinkers”, had a huge army of admirers, as well as critics. Of interest is the fact that L. N. Tolstoy studied at the Faculty of Law of the Kazan Imperial University, but did not graduate from it. It was during his student years that he formed an extremely negative view of law and legal professions. In this regard, Tolstoy can safely be counted among the representatives

© Корнев А. В., 2021

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
avkornev@msal.ru

of the so-called theoretical legal nihilism, whose supporters sought to justify the denial of the value of law by conceptual argumentation in a way they understood it. V. S. Solovyov, on the contrary, treated the law more positively than negatively. However, he qualified the law as a “minimum of morality”, and considered the state to be “organized pity”. Nevertheless, in the professional academic environment, V. S. Solovyov enjoyed the reputation of a person who was deeply versed in law and understood its role in a state-organized society.

The paper notes some similarity of the theoretical views of V. S. Solovyov and L. N. Tolstoy. Law and morality occupy an important place in their ideological constructions. It seems that their ideas to some extent have not lost their significance today.

Keywords: state; law; morality; freedom; religion; church; history; culture.

Cite as: Kornev AV. V. S. Solovev i L. N. Tolstoy: dva vzglyada na pravo i npravstvennost [V.S. Solovyov and L. N. Tolstoy: Two Opinions on Law and Morality]. *Lex russica*. 2021;74(7):139-147. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.139-147 (In Russ., abstract in Eng.).

Заявленная тема довольна широка. По большому счету, в России на мелочи не очень привыкли обращать внимание. Да и сам русский человек широк, «потому надобно бы его сузить», как выразился классик. Тем не менее нравственность и право, их соотношение, борьба и сотрудничество между ними проходят через всю нашу историю. И, как мне кажется, в этом также можно усматривать двойственную природу России-цивилизации. Одной своей стороной она в Европе, а другой — в Азии. «Мы как послушные холопы, держали щит меж двух враждебных рас, монголов и Европы» (А. Блок). Право как универсальный регулятор общественных отношений утвердилось в европейской цивилизации. Оно составляет ее неотъемлемую часть. Выдающийся компаративист Р. Давид, предвзято характеризуя романо-германскую правовую семью (континентального права), отмечает: «Эта семья включает страны, в которых юридическая наука сложилась на основе римского права. Здесь на первый план выдвинуты нормы права, которые рассматриваются как нормы поведения, отвечающие требованиям справедливости и морали (выделено мной. — А. К.). Определить, какими же должны быть эти нормы, — вот основная задача юридической науки...» И далее, касаясь истории, формирования этой науки, университетов, он отмечает: «Университетская наука обращена к праву во взаимосвязи с философией, теологией и религией, она указывает судьям, как решать дела на основе справедливости, предписывает правила, которым добропорядочные люди должны следовать в своем социальном поведении. Право, как и мораль, — это должное (то, что нужно делать), а не сущее (то, что практически происходит). Возможно ли преподавание морали, ограниченное описанием

того, что человек обычно делает, без указания на то, как следует поступать и жить? Это справедливо и в отношении права»¹.

В течение долгого исторического периода европейскую цивилизацию характеризовали как христианскую и юридическую. По всей видимости, она постепенно утрачивает свою особенность. Но это совершенно другая тема, которая требует обстоятельного изложения. Пока же сделаем некоторые оговорки. Совершенно очевидно, что мораль и нравственность — далеко не одно и то же. Некогда между ними ставили знак равенства. В силу этих особенностей не стоит думать, что когда мы встречаем слово «мораль» в тексте у того или иного автора, то автоматически это можно переносить на нравственность.

Россия на всех ее исторических этапах никак не может быть охарактеризована как цивилизация «юридическая». Для широких масс, глубокого народного сознания характерна апелляция к правде, справедливости, морали или нравственности. И особенно сильно эта апелляция проявляется потому, что в России всегда доминировало не общественное, а государственное начало. Иными словами, если на Западе основным институтом, «делавшим» историю, было общество, то в России в качестве такового выступало государство. Так распорядилась история — дама в высшей степени капризная и жестокая.

А. Тойнби, пожалуй самый выдающийся историк XX столетия, отмечал, что доминирующее положение государства в российской истории можно объяснить постоянными угрозами, особенно со стороны Запада. Он в своих работах недвусмысленно обвинял Европу в том, что постоянными угрозами, мотивированными технологическими преимуществами, западная

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 21, 34.

цивилизация заставляла русских формировать мобилизационную психологию и укреплять государство в ущерб интересам личности и общества. «В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости, — пишет А. Тойнби, — русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли гибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жестокой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собранных в единую сильную державу. Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад — сначала Петр Великий, а затем Ленин, но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня, как и Великое княжество Московское в XIV веке, воспроизводит характерные черты средневековой Восточной Римской империи»².

Теперь мы можем сказать, что попытались «обновить фасад» и в третий раз. Произошло это в период Горбачева и Ельцина — разрушителей великой страны. Мы сделали шаг навстречу, но не нашли поддержки. В этой связи все остается по-прежнему. Иными словами, «сильное» государство — гарант нашей независимости и целостности. Следовательно, гармонизация интересов государства, общества и личности остается актуальной. А стало быть, и проблема соотношения права и политики. К этому нужно относиться как к данности, без либеральных истерик, свойственных некоторым авторам. «Дефицит» права порождает потребность в морали, нравственности, справедливости.

В. С. Соловьев и Л. Н. Толстой — два представителя великой русской культуры. Разумеется, всемирная слава Толстого-писателя не идет ни в какое сравнение с известностью Соловьева. Надо сказать, что русские философы не заняли в западной философии какого-то заметного места. Отдельные представители западной науки и вовсе отказывают России в сформировавшейся влиятельной философской традиции. Но это всё носит субъективный, оценочный характер. Философия, как и социология, да, пожалуй,

и другие общественные науки, развивалась в рамках художественной литературы. А вот здесь никаких конкурентов быть не может. Это признают даже те, кого трудно заподозрить в симпатиях к России и всему русскому.

Соловьев и Толстой разные люди, но в чем-то похожи. Прежде всего, в том, что и тот и другой находились в вечном поиске. Оба шли «против течения». Не искали официального признания, хотя не лишены были тщеславия. Каждый по-своему. У того и другого были очень сложные отношения с властью. Всякий, кого она преследовала по тем или иным основаниям, пользовался их поддержкой. И совсем не важно, разделяли они их взгляды или нет. И тот, и другой были своего рода «властителями дум». Отношения с православной церковью — тема особенная. Как известно, Л. Толстой был отлучен от церкви. Иоанн Кронштадтский и вовсе называл его сатаной. Отношения между ними были крайне враждебными. Что любопытно. Отцу И. Кронштадтскому жертвовали столь колоссальные суммы и различные подарки, что доходы графа, включая гонорары от изданных произведений, смотрятся очень скромно. Все перипетии их отношений хорошо описаны у известного писателя и литературоведа П. Басинского («Святой против Льва»).

Одну из ипостасей великого русского писателя очень хорошо подметил видный мыслитель либерального крыла Исайя Берлин: «Толстовское чувство реальности было до самой его смерти слишком опустошительным, чтобы ужиться с каким бы то ни было нравственным идеалом, который он смог бы выстроить из обломков разрушенного собственной интеллектуальной мощью мироздания, и он бросил свою мощь и всю волю на то, чтобы до конца своих дней яростно это отрицать. Преисполненный и безумной гордыней, и ненавистью к себе, презрением к другим и тягой к саморазрушению, всезнающий и привыкший во всем на свете сомневаться, холодный и отчаянно страстный, терзающийся и отстраненный, окруженный обожанием домашних, преданностью последователей, восхищением всего цивилизованного мира и почти совершенно одинокий, он — самый трагический из всех великих писателей, отчаявшийся старик, которому никто не в состоянии помочь, поскольку он сам себе выколол глаза...»³.

² Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 380.

³ Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 267–268.

Обычно в таких случаях говорят: «Он был противоречивым человеком». Однако фраза эта, вполне применимая к «обыкновенному» человеку, к Толстому никак не относится. Он был слишком велик, чтобы так одномерно его квалифицировать.

В. С. Соловьев являлся очень заметной фигурой в интеллектуальной среде дореволюционной России. У него также были обожатели, люди, которые относились к нему с восхищением, и не более того. А были и критики. Умеренные, как Б. Н. Чичерин, выдающийся русский юрист, и радикальные, как, например, В. В. Розанов. Фигура ныне почти забытая, но в свое время яркая и очень авторитетная. Написать интеллектуальную историю России конца XIX — начала XX в. без Розанова невозможно.

«Не понимаю, — пишет В. В. Розанов, — почему я особенно не люблю Толстого, Соловьева, Рачинского. Не люблю их мысли, не люблю их жизни, не люблю самой души. Соловьев если не был аристократ, то все равно был “в славе” (в “излишней славе”)»⁴.

Всё, что написал В. С. Соловьев, Розанов оценивал как обыкновенную журналистику. Соловьев, как считает Розанов, нес перед собой свою гордость, но она была ничто. А вот загадочна и глубока была его тоска, то, о чем промолчал, его потаенная грусть.

Такую оценку Соловьеву давал и Мережковский. Он считал, что Толстой посредством своих произведений как бы раскрывал себя. Соловьев же, наоборот, закрывал.

Удивляться тому, что В. С. Соловьев по отношению к В. В. Розанову был фактически *in statu belli*, не приходится.

В чем-то, видимо, можно согласиться с В. В. Розановым. А вот с чем можно согласиться безоговорочно, так это с тем, что он предвидел закат европейской цивилизации, причем касаясь тех категорий, которые вынесены в заглавие статьи. Розанов пророчествует следующим образом: «Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния: и в конце времен злодеи разорвут мир. Заметьте, что уже теперь теснится, осмеивается, пренебрежительно оскорбляется все доброе, простое, спокойное, попросту добродетельное. Так что, собственно, [погибнет] не от со-

страдательности, а от лжесострадательности... В каком-то изломе этого... Цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых, “на роду написанных”, на которых “всё тесто возшло”... В Греции это был ум, в Риме — *volō*, “господствую”, у христиан — любовь. “Гуманность” (общества и литературы) и есть ледяная любовь. Смотрите: ледяная сосулька играет на зимнем солнце и кажется алмазом. Вот от этих “алмазов” и погибнет всё»⁵.

В обстоятельной биографии В. С. Соловьева, написанной его племянником, С. М. Соловьевым, говорится: «Жизнь Соловьева, прежде всего, разбивается на три периода. Первый — чисто умозрительный и славянофильский — борьба с материализмом и позитивизмом; второй — церковно-публицистический — борьба с национализмом; третий, синкретический период — возвращение к философии. Занятия поэзией и критикой — борьба с Ницше и Толстым. Этот период открывается “Оправданием добра” и заканчивается “Тремя разговорами” и поэмой “Три свидания”».

Примечательным в биографиях В. С. Соловьева и Л. Н. Толстого становится 1894 год. В этом году он приступает к одному из своих значительных трудов — «Оправдание добра». Всего у него ушло на эту работу около трех лет. Именно в этот период предпринимается попытка сблизиться с Толстым. Все 80-е гг. прошли под знаком враждебного отношения к Толстому. Он обвиняет его в неискренности. По утверждению его биографа, Соловьев не любил Толстого не только как мыслителя, но и как художника. 20 сентября 1891 г. он пишет Стасюлевичу по поводу смерти Гончарова: «Вот и предпоследнего корифея русской литературы не стало. Остался один Лев Толстой, да и тот полоумный. Уж так у нас в городе устроено: если умный человек, так или пьет запоем, или рожи такие корчит, что святых вон неси»⁶.

Но к 1894 г. у Соловьева с Толстым много общего. Оба ведут борьбу с национализмом во имя вселенского христианского идеала, оба враждебно настроены к русской государственной церкви. 5 июля 1894 г. Соловьев пишет Льву Николаевичу о своем намерении «составить систематическую хрестоматию из его религиозно-нравственных сочинений и озаглавить хрестоматию “Критика лжехристи-

⁴ Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990, С. 174.

⁵ Розанов В. В. Указ. соч. С. 282.

⁶ Цит. по: Соловьев С. М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 299–300.

анства, из сочинений Льва Толстого»». В длинном втором письме к Толстому, написанном между 28 июлем и 2 августом 1894 г., Соловьев говорит об их противоречиях. «Всё наше разногласие может быть сосредоточено в одном конкретном пункте — воскресении Христа. Я думаю, что в Вашем собственном мирозерцании (если я только верно понимаю Ваши последние сочинения) нет ничего такого, что мешало бы признать истину воскресения, а есть даже нечто такое, что заставляет признать ее». Соловьев еще надеется убедить Толстого в истинности воскресения Христа. Он ошибся. Вскоре он резко расходится с Толстым и в своем последнем сочинении «Три разговора» видит в великом писателе земли русской поддельного, фальшивого христианина, дух антихриста. Отношение Толстого к Соловьеву всегда было холодное⁷.

Так что диалога не получилось. И не могло получиться. Слишком разные это были люди, хотя в чем-то и очень похожие.

Надо прямо сказать, что значительная часть русского общества стала весьма критически подходить к В. С. Соловьеву после того, как стало известно о его тайном присоединении к католической церкви. 19 февраля 1896 г., в день памяти святого Льва Великого, особенно почитаемого Соловьевым Римского папы, он принял причастие из рук отца Николая Алексеевича Толстого. Что любопытно? Этот священник, родственник поэта А. Толстого, с которым был дружен Соловьев, закончил Московскую духовную академию. Однако под влиянием В. С. Соловьева принял католичество греческого обряда. Может быть, это так бы и осталось тайной. Однако сам Н. А. Толстой в августе 1910 г. написал об этом в «Московских ведомостях». Вскоре после этого ему пришлось бежать за границу при помощи иностранных послов. Из Петербурга он морем отправился в Рим. Разумеется, причащение у католического священника и прочтение им Тридентского символа веры есть присоединение к католицизму.

Это не просто факт биографии. Отношение католиков к православным известно. Ортодокс для католиков по большому счету и означает православный. Во многом это и предопределило некоторые мировоззренческие установки В. С. Соловьева. Он призывал, к примеру, подчиниться Римскому папе. Отношение к

Византийской империи сформировало у него и взгляды касательно российской истории, государства, церкви, личности. В. С. Соловьев, как мог, формировал идеал единой христианской Европы.

К слову сказать, драматические отношения между Россией и Польшей «завязаны» не только на пресловутых разделах, то есть разногласия базируются не только на территориальных основаниях. Эта проблема имеет поистине метафизическое значение. В «великой» армии Наполеона, которая насчитывала около 640 тысяч, когда она вторгалась на территорию Российской империи, поляков было около 220 тысяч по самым разным оценкам. Воевали, а в большей степени мародерствовали, они вполне «добросовестно». Затем, правда, пришлось бежать сломя голову. «Великая» армия превратилась в кучку жалких деморализованных голодранцев. Россия в итоге получила значительную контрибуцию от Франции, львиная часть которой пошла на реконструкцию... Варшавы. Отнюдь не Москвы. Воистину нетипичная империя.

В одном из частных писем В. С. Соловьев признается: «Моя ненависть к московскому периоду есть моя идиосинкразия... Моя ненависть к деспотизму — это я сам». И далее в известной статье «Византизм и Россия» Соловьев находит, что в России, как и в ее учительнице Византии, «...слабо развито сознание безусловного человеческого достоинства, принцип самостоятельной и самодеятельной личности»⁸.

Воззрения на право В. С. Соловьева представляют определенный интерес. Кто-то из русских юристов, как П. И. Новгородцев, очень высоко ценил его точку зрения. П. И. Новгородцев причислял Соловьева к выдающимся представителям школы естественного права в России. Особенно импонировало Новгородцеву то, что В. С. Соловьев разделял его идею о «праве на достойное существование». Этого права, констатировал Новгородцев, нет ни в одной декларации и конституции. А между тем это, может быть, самое главное право человека.

Другие были гораздо взыскательнее. К примеру, Б. Н. Чичерин очень серьезно критиковал Соловьева уже с его докторской диссертации «Критика отвлеченных начал». Основательному разбору этого сочинения Чичерин фактически посвятил одну из своих работ «Мистицизм в науке» (М., 1881). Борис Николаевич Чичерин,

⁷ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 299–300.

⁸ Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 306.

либерал и дворянин, как окрестил его некогда популярный поэт Алмазов, считал Соловьева человеком поверхностным, особенно в вопросах экономики и права. Соловьев же, наоборот, числил Чичерина самым образованным и многознающим из всех русских, а может даже и европейских ученых, но... догматиком (!?).

В. С. Соловьев понимал право как принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла. Принудительное начало привносится в право идей общего блага или общественного интереса. В итоге он останавливается на том, что «право есть исторически недвижимое определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов — личной свободы и общего блага»⁹. Закон по существу своему, повторял он, есть общепризнанное и безличное равновесие между частной свободой и благом целого. Философ и богослов, он разделял позиции многих российских правоведов относительно того, что в глубочайшей основе всех правовых отношений лежит свобода, однако не она является базисным принципом права, поскольку последнее определяется справедливостью, проистекающей из нравственной области. Конечно, признавал В. С. Соловьев, само понятие о справедливости меняется, но неизменным остается принцип, чтобы законы не расходились с ней, поскольку всегда «...остается внутренняя обусловленность права нравственностью»¹⁰.

Если предположить, продолжал он, что законы выражают высшую правду и исходят от Божественного совершенства, то подчинение им есть высшая добродетель, поэтому ко всем правовым предписаниям следует предъявлять требования, соответствующие этой правде.

По сути, это есть не что иное, как воспроизведение концепции различения права и закона, известной с древних времен юридической мысли.

В вопросах права и государства, считает его биограф, Соловьев находится в скрытой полемике со Львом Толстым. Он стоит на точке зрения гуманной, христианской государствен-

ности. Теорию юридического возмездия он признает нелепой и считает целью наказания исправление преступника, а не месть. Соловьев является апологетом государственно-правового начала. Право есть организованная жалость и справедливость. Оно спасает общество и от «жгучего ада анархии», и от «ледяного ада депотизма». «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад»¹¹.

Через призму своих нравственно-правовых взглядов В. С. Соловьев смотрит и на организацию экономической сферы общества. По его мнению, экономическая реформа должна быть произведена на трех основаниях: 1) вещественное богатство не должно признаваться самостоятельной целью хозяйственной деятельности человека; 2) производство не должно совершаться за счет человеческого достоинства производителей, и ни один из них не должен становиться только орудием производства; 3) должны быть признаны обязанности человека к земле¹².

На этой мировоззренческой платформе сформировалось и его понимание собственности. Это один из самых «проклятых» вопросов предшествующих цивилизаций и современной цивилизации. В. С. Соловьев считает, что «собственность есть нечто, нуждающееся в оправдании, требующее нравственной нормы и опоры для себя, а никак не заключающееся в себе»¹³.

Для юриста представляет интерес не только «Оправдание добра», где В. С. Соловьев затрагивает множество проблем, включая нравственные, этические и правовые. Некоторые его критики считают, что на проблему нравственности В. С. Соловьев смотрел с протестантской точки зрения. Во всяком случае, он следовал традиции, которая сложилась в европейской интеллектуальной истории. В этой связи есть возможность обратиться к довольно интересной работе Фрэнка М. Тернера¹⁴. В 1897 г. выходит «Право и нравственность», которая является как бы дополнением к его нравственной философии.

Прямо скажем, что подобная точка зрения на собственность находит поддержку далеко не

⁹ Соловьев В. С. Оправдание добра. 2-е изд., доп. и испр. М., 1899. С. 465.

¹⁰ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 557.

¹¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 311.

¹² Соловьев С. М. Указ. соч. С. 311–312.

¹³ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 397.

¹⁴ Тернер Ф. М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. М., 2016.

у всех. Это и неудивительно. Не всем, однако, дано быть Соловьевым.

Писать что-либо о Толстом сложно. Да и смелость нужно иметь. Все-таки это величайший писатель. Какое «счастье» для всех, что он не дожил до революции. Человек, которому противоречил террор, молчать бы точно не стал. Для многих он был неугоден. По этой причине, вероятно, так и не получил Нобелевскую премию по литературе. В данном случае даже задавать вопрос о том, достоин он этого или нет, смешно. Антисоветизм — непереносимое условие для претендента. М. Шолохов — исключение. Потому и решали больше 20 лет — давать или нет? Толстой, в молодости артиллерийский офицер, своим поведением особенно не отличался от своих коллег. Вторая половина жизни — разговор особый. О его сложных отношениях с властью и официальной церковью уже упоминалось. Но в нем что-то было и чисто наносное, искусственное.

Очень любопытная характеристика дана Толстому простым мужиком, парильщиком, отставным солдатом и воспроизведена И. С. Шмелевым, которому в ту пору было восемь лет. Вот как это было: «Совсем рядом, за Крымским мостом, в Хамовниках, живет граф Толстой, который ходит за водой на бассейн; даже и признать нельзя за графа, одевается по-деревенски, в полушубок и валенки, а живет в собственном доме, и богач страшный; что дворник от него и лакей ходят к нам в «дворянские», а сам будто — за пятак, в «простые», и берет даже веничек за монетку, любит попариться; но сам нипочем никого не допустит спину потереть, а все сам! А когда придет — никто углядеть не может, раным-рано: ни за что не опознать, скрывается! А почему он скрывается? — спросил я, чуя таинственное. — Значит, такое уж у него расположение. Может, в святые хочет выйтись»¹⁵.

Создается впечатление, что простой мужик-банщик ближе к истине, чем целый сонм исследователей, которые потратили жизнь на изучение этой в высшей степени противоречивой гениальной личности. Его наследие насчитывает более 90 томов, если считать его письма и многочисленные статьи. Да, пожалуй, он обеспечил себе бессмертие своими литературными произведениями. Но удалось ли ему стать свя-

тым, в чем его бесхитростно подозревал отставной солдат, — большой вопрос. Тем не менее Л. Н. Толстой, если не сам обрел, то уж во всяком случае многим помог обрести себя, смысл жизни, как бы высокопарно это ни звучало. Его влияние огромно. По всему миру стали создаваться толстовские общества. Вообще, толстовство стало своего рода модой, увлечением, причем со знаком «плюс». Его лозунг непротивления злу силой стал символом многих людей. Многочисленный клан Ганди в Индии почитает графа Толстого как одного из учителей.

Говоря о нравственных основаниях личности Толстого в его второй половине жизни, есть все основания полагать, что он бы присоединился к словам М. Ганди: «Я отвергаю любую религиозную доктрину, не апеллирующую к разуму и противоречащую *нравственности* (выделено мной. — А. К.). Однако я готов признать религиозные чувства, не основанные на разуме, если они не аморальны. Утратив нравственные основы, мы тотчас теряем и веру. Не существует такого феномена, как религия, отрицающая нравственность. Например, человек не может быть лживым, жестоким и неводержанным и при этом уверять, что верит в Бога»¹⁶.

Мохандас Ганди происходил из обеспеченной семьи, был дипломированным юристом, принадлежал к касте торговцев банья. После его смерти остались лишь очки, посох да пара сандалий. Смысл жизни видел в служении людям. Он остался живым воплощением нравственного идеала.

Л. Н. Толстой все-таки до такого аскетизма не доходил. Да, он сам выносил за собой ночной горшок и крайне возмущался, когда за него это пытались делать другие (слуги), но сказать, что он был чужд радостей материального плана, нельзя. Но это вовсе не принижает масштаб его личности. Однако то, что он ставил нравственность выше всяких религиозных концепций, не подлежит никакому сомнению. В этом, кстати, отчасти и кроется его конфликт с официальной церковью, в которой он нередко видел всего лишь посредника между Богом и человеком.

Представляется, что стержневую составляющую внутреннего мира Толстого уловил Исайя Берлин. Разумеется, не он один. Однако ему из «европейского далека» было проще писать о русском писателе. Он справедливо полагает,

¹⁵ Шмелев И. Воспоминания. М., 2019. С. 129–130.

¹⁶ Ганди М. Моя жизнь и вера. М., 2018. С. 496.

что студент-Толстой «...ушел из Казанского университета, ибо решил, что профессора некомпетентны и заняты одними банальностями»¹⁷.

Ушел он, заметим, с юридического факультета. Что он успел понять и в чем разочароваться? Об этом чуть ниже.

В 1960 г. Л. Н. Толстой переживал свой первый, но отнюдь не последний нравственный кризис. Он не скрывал от других своего предпочтения и уважения к любым формам реальной жизни, будь то свободная жизнь казаков на Кавказе или жизнь молодых гвардейских офицеров в Москве, с их скачками, балами и цыганами, а не к миру книг, рецензий, критиков, профессоров, политических дискуссий, разговоров об идеалах, о мнениях и литературных ценностях. Толстого преследовало чувство резкого противоречия между жизнью и литературой. Как многие знатные и богатые люди, он испытывал угрызения совести — ведь он понимал, как ужасно живут крестьяне. Писатель полагал, что решения всех проблем у нас перед глазами. Нужно только видеть это и воспринимать все как есть, а не придумывать идеалы.

Поэтому легко понять, почему мишенью Толстого стали университеты и профессора.

Не секрет, что Толстой был сторонником идей Ж.-Ж. Руссо. Одно время он даже носил на груди медальон с его изображением вместо натального креста. Есть все основания предполагать, что писатель был *сторонником естественного права* и считал, что у человека есть основные материальные и духовные потребности. Господа, те, кто живут чужим трудом, отказывают труженикам-беднякам в таких объективных ценностях, как справедливость, равенство, любовь, достоинство. Как считает И. Берлин, «критическая мысль Толстого постоянно вращается вокруг этой центральной идеи — контраста между естественным и искусственным, правдой и вымыслом»¹⁸.

Это проявляется во многих его произведениях. Судейский чиновник Иван Ильич перед своей кончиной вдруг подумал: «...а что, как и в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, была “не то” ... Когда он увидел утром лакея, потом жену, потом дочь, потом доктора, — каждое их движение, каждое их слово

подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Он в них видел себя, все то, чем он жил, и ясно видел, что все это было не то, все это был ужасный огромный обман, закрывающий и жизнь и смерть»¹⁹.

Разочарованным человеком Л. Н. Толстой стал уже со студенческих времен, когда он изучал право на юридическом факультете Казанского императорского университета. И это разочарование было вполне оправданным, что нашло отражение в небольшом по объему романе «Утро помещика». Его главный герой князь Нехлюдов, также бросивший юридический факультет, вспоминал в деревне, жизнь которой он вознамерился изменить, как со своим приятелем «они часов пять сряду читали и повторяли какие-то скучные записки гражданского права и, окончив их, послали за ужином, сложились на бутылку шампанского и разговорились о будущности, которая ожидает их»²⁰.

Так что юриста из Толстого не получилось. И слава богу. Право — одно из разочарований будущего писателя. «Письмо студенту юридического факультета» — апофеоз правового нигилизма. Приводить даже выдержки не хочется. Он дал убийственную характеристику уголовному праву, гражданскому, государственному (конституционному) и праву вообще. По его мнению, «профессора только болтают о праве», которого в жизни просто нет.

Толстой недолюбливал юристов, адвокатов вообще считал «нанятой совестью». Но со многими юристами поддерживал тесные отношения и даже кое-что использовал из опыта этого общения. Сюжет романа «Воскресенье» был подсказан Льву Николаевичу Толстому видным судебным деятелем А. Ф. Кони.

С Толстым тесно общался и В. А. Маклаков — известный адвокат, затем лидер партии кадетов. Он выступал защитником по одному резонансному делу. Сам он назвал его сектантским. Защищать интересы «сектанта» его попросил Л. Н. Толстой. Великий писатель земли русской, как известно, хлопотал об участии гонимых официальной церковью и властью.

Графа Л. Н. Толстого нередко характеризуют как анархиста и идейного представителя так называемого теоретического правового ниги-

¹⁷ Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 274.

¹⁸ Берлин И. Указ. соч. С. 182.

¹⁹ Толстой Л. Н. Утро помещика. М., 1985. С. 290.

²⁰ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 51.

лизма. Во многом это справедливое мнение. Недооценка им права очевидна. Если люди будут жить по Евангелию, то в праве нет никакой необходимости, считал писатель.

В том-то и дело, что если... Вряд ли это когда-нибудь случится. В данном вопросе Толстой сам создал положение, которого не мог принять

всю жизнь, а именно — разрыв между реальностью и идеалами.

В. С. Соловьев и Л. Н. Толстой — оба входят в сокровищницу русской культуры, и их взгляды на нравственность и право по-прежнему представляют интерес. Тем более что мир сегодня в очередной раз столкнулся с переоценкой ценностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берлин И. История свободы. Россия. — М., 2001. — 544 с.
2. Ганди М. Моя жизнь и вера. — М., 2018. — 736 с.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. — М., 1996. — 400 с.
4. Розанов В. В. О себе и жизни своей. — М., 1990. — 876 с.
5. Соловьев С. М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. — М., 1997. — 431 с.
6. Соловьев В. С. Оправдание добра. — 2-е изд., доп. и испр. — М., 1899. — 615 с.
7. Толстой Л. Н. Утро помещика. — М., 1985. — 528 с.
8. Тернер Ф. М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. — М., 2016. — 256 с.
9. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. — М., 2003. — 592 с.
10. Шмелев И. Воспоминания. — М., 2019. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 5 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Berlin I. Istoriya svobody. Rossiya [The history of freedom.Russia]. Moscow; 2001. (In Russ.).
2. Gandhi M. Moya zhizn i vera [My life and faith]. Moscow; 2018. (In Russ.).
3. David R, Geoffrey-Spinozi C. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [The main legal systems of our time]. Moscow; 1996. (In Russ.).
4. Rozanov VV. O sebe i zhizni svoey [About myself and my life]. Moscow: Moskovskiy Rabochiy; 1990. (In Russ.).
5. Solovyov SM. Vladimir Solovyov. Zhizn i tvorcheskaya evolyutsiya [Vladimir Solovyov. Life and creative evolution]. Moscow; 1997. (In Russ.).
6. Solovev VS. Opravdanie dobra [The justification of the good]. 2nd ed., suppl. and rev. Moscow; 1899. (In Russ.).
7. Tolstoy LN. Utro pomeshchika [Morning of the landowner]. Moscow; 1985. (In Russ.).
8. Turner FM. Evropeyskaya intellektualnaya istoriya ot Russo do Nitsshe [European intellectual history from Rousseau to Nietzsche]. Moscow; 2016. (In Russ.).
9. Toynbee AJ. Tsivilizatsiya pered sudom istorii [Civilization before the court of history]. Moscow; 2003. (In Russ.).
10. Shmelev I. Vospominaniya [Memories]. Moscow; 2019.